

Напевая вполголоса, они вернулись в гостиницу и после душа, разомлевшие, устроились в объятиях друг друга. Именно тогда Наньгун Хуэй решил поделиться своей историей.

Пять лет назад он, закинув за спину рюкзак с нехитрыми пожитками, приехал в Нанкин. Сев на служебный автобус, он целый час и сорок минут добирался от вокзала до курорта — водитель ворчал, что на мосту через Янцзы опять образовалась глухая пробка. Курорт с горячими источниками «Ифэн» строился и управлялся по четырехзвездочному стандарту, и в плане дисциплины там всё было строго. Однако располагался он в настоящей глуши, в районе Пукоу. От моста нужно было проехать еще километров двадцать; вокруг — ни одного приличного жилого квартала, сплошная изоляция от внешнего мира.

На душе у Наньгун Хуэя стало тоскливо. Обещали древнюю столицу шести династий, шумный мегаполис, а на деле — деревня деревней. Но самым сильным ударом стало распределение: после недели обучения и месяца стажировки его определили в службу приема — попросту говоря, поставили швейцаром на входе.

Менеджер Чжун, который проводил собеседование в их колледже, был лишь рядовым сотрудником отдела кадров. Он только развел руками — мол, ничего не могу поделать. Между тем Ли Чуньхуэй и Чжун Сяоли, приехавшие вместе с Наньгуном, получили должности ассистентов менеджеров в отделе маркетинга и службе номерного фонда. И только его одного отправили «стоять у дверей».

Наньгун Хуэй отправился прямиком к Начальнику Ли, которая по совместительству была супругой генерального директора Вана. Она с мягкой улыбкой выслушала его возмущенную тираду и спокойно ответила:

— Ты считаешь работу на входе унизительной? В этот курорт вложены миллиарды, здесь трудятся восемьсот человек, и все наши усилия, обучение и стандарты гости видят через тебя. Ты — лицо отеля. У нас никогда не будет шанса произвести второе первое впечатление, и именно ты его создаешь. К тому же через холл проходят сотрудники всех отделов. Если проявишь себя, тебя заметят быстрее, чем в любом кабинете. Вспомни великих людей — они проходили через взлеты и падения, через тяжкие испытания. А твое положение — даже не трудность. Настоящее золото блестит везде, не так ли?

Стоит признать, Начальник Ли умела убеждать.

Выйдя из кабинета, Наньгун Хуэй до глубокой ночи просидел в саду курорта. Звезды за городом казались необычайно яркими, а ветер — пронизывающе холодным. Девятнадцатилетний юноша, тоскуя по дому и страшаясь неизвестности, проплакал до рассвета.

Приступив к работе, он решил во что бы то ни стало выложиться на полную. В их группе было пять человек: бригадир и две смены по два человека, работавшие через день. По правилам, с восьми утра до пяти вечера у возвращающихся дверей должен был стоять дежурный в позе «смирно». Но поскольку контроля почти не было, коллеги обычно подтягивались к десяти, прячась за стойкой багажной службы и болтая. Всерьез они работали только с часу до трех,

когда по холлу могли пройти директор Ван или Начальник Ли. В остальное время дисциплина летела к чертям.

Наньгун же с первого дня установил для себя жесткий график: в семь пятьдесят пять он был на посту, в восемь ровно заступал на смену и стоял до полудня. После часового обеда — снова на пост до пяти вечера. Выстоять на ногах восемь часов — задача не из легких, требующая не только воли, но и недюжинной выносливости. К концу дня ныла спина, гудели ноги, а лицо сводило судорогой от постоянной улыбки. Заходя в туалет, он порой разминал щеки перед зеркалом, вновь и вновь отработывая «стандартные восемь зубов».

«Так вот в чем секрет», — подумал Вэнь Ле. Улыбка Наньгун Хуэя всегда казалась ему невероятно искренней и притягательной, а она, оказывается, была плодом долгих тренировок.

Такая фанатичная преданность делу вскоре привела к полной изоляции. Коллеги поначалу посмеивались над «дурачком», советовали не высовываться, чтобы остальные не выглядели на его фоне лентяями. Позже пошли колкости и мелкие пакости. Однако Наньгун верил: руководство ценит рвение. Плевать на бригадира, главное — дожидаться шанса и попасться на глаза начальству.

Однажды директор Ван, проходя через лобби, остановился:

— Новичок? Как зовут? Работай хорошо, компания дает возможности тем, кто старается.

Наньгун Хуэй был вне себя от счастья: его заметили! Но прошел месяц, а новостей не было. Когда он снова увидел директора, тот прошел мимо, даже не взглянув на него. У большого босса слишком много дел и встреч, чтобы помнить имя каждого швейцара.

Когда силы были на исходе, представился случай. Близилось Рождество, и компания планировала праздничный вечер. Требовались двое ведущих — парень и девушка. На женскую роль выбрали Чжун Сяоли, на мужскую — Наньгун Хуэя. Оба были из северо-восточных провинций, обладали безупречным выговором, а Наньгун к тому же выделялся ростом и статью. Когда профсоюзный деятель спросил об опыте, Наньгун, едва скрывая волнение, заверил, что справится. В школе он вел все новогодние огоньки — это была его стихия.

В день праздника Наньгун подготовился основательно. Одной вступительной фразой он заставил зал замолкнуть. Чжун Сяоли начала по-китайски:

— Уважаемое руководство, дорогие гости...

А Наньгун подхватил на английском:

— Ladies and gentlemen! Welcome to attend Christmas party!..

Его уверенная английская речь лилась полминуты. Зал взорвался аплодисментами. Заметив, как директор Ван и Начальник Ли одобрительно зашептались, Наньгун понял: это успех.

Праздник прошел блестяще. Дуэт Чжун Сяоли и Наньгун Хуэя стал главной темой обсуждений среди персонала. Наньгуна тут же окрестили «золотым ведущим» и главным знатоком английского. Его перевели в отдел номерного фонда на должность ассистента менеджера. Теперь его приглашали встречать иностранные делегации, а если клиенты устраивали на курорте банкеты или мероприятия, Наньгун неизменно выступал в роли ведущего.

Новая должность открыла перед ним двери в мир серьезных людей. Именно тогда он завел знакомство со своим первым партнером, господином Хуаном, и познакомился с Цянь Юном, владельцем декоративной компании «Юйцзинь», где позже нашел свою вторую работу.

Вэнь Ле слушал этот рассказ с замиранием сердца. Пробиваться в одиночку в чужом городе, вдали от близких — это невероятно тяжело. Глядя на себя, он видел жизнь, где всё шло по накатанной колее, где даже стараться было особо не ради чего. Наньгун Хуэй был моложе, но его жизненный опыт оказался куда глубже и богаче.

За разговорами они не заметили, как стрелки часов подошли к четырем утра. Вэнь Ле нужно было вставать в семь: в семь сорок необходимо быть в школе, впереди три урока. Если не поспать хотя бы немного, день будет окончательно сорван. Нехотя разомкнув объятия, они разошлись по своим кроватям и мгновенно провалились в сон.

Весь следующий день Вэнь Ле чувствовал себя как в тумане — голова была тяжелой, ноги ватными. Однако Учитель Сунь, сидевшая напротив, одной фразой попала в точку:

— Учитель Вэнь, что это вы сегодня такой сияющий?

— Сияющий? — Вэнь Ле невольно коснулся лица. — Я же совсем не выспался, глаза опухли и покраснели.

— Тело измождено, зато дух в экстазе! — Учитель Сунь, как всегда, не лезла за словом в карман. С её красноречием ей стоило бы преподавать литературу, а не математику.